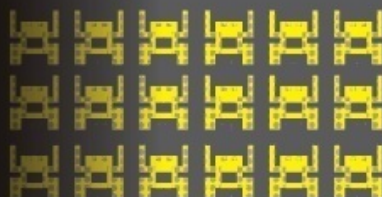

Арсений Куманьков Война в XXI веке

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

Арсений Дмитриевич Куманьков

Война в XXI веке

Серия «Политическая теория»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48588002

Война в XXI веке: Изд. дом Высшей школы экономики; М.; 2020

ISBN 978-5-7598-2049-9

Аннотация

В монографии обсуждаются два вопроса: что представляет собой война в XXI в.? И как моральная теория оценивает современные войны? Автор дает социально-политические и этические интерпретации конфликтов. Для ответа на первый вопрос он прослеживает историю развития классического образа межгосударственной войны и предлагает оригинальную концептуализацию войн нового типа, ориентируясь на исследования ведущих специалистов (Мэри Калдор, Херфрида Мюнклера, Мартина ван Кревельда). Это позволяет выделить наиболее значимые характеристики и признаки новых войн, а также типичные практики их ведения. Отвечая на второй вопрос, автор рассматривает способы нравственного обоснования применения военной силы и моральную составляющую наиболее заметных форм и практик ведения современной войны – терроризма, роботизации и компьютеризации войны, деятельности частных военных компаний. Книга адресована

широкому кругу читателей – философам, политологам, социологам, историкам, культурологам.

Содержание

Введение	6
Глава 1	14
Классическая война эпохи модерна	14
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Арсений Куманьков

Война в ХХІ веке

*Посвящаю эту книгу родителям – Елене
Владимировне Куманьковой и Александру Сергевичу
Богдановскому – моим лучшим учителям*

© Куманьков А.Д., 2020

Введение

Организация Объединенных Наций преследует Цели:

Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира¹.

Среди всех социальных практик война может оказаться одной из самых древних. Война меняется вслед за сменой эпох и трансформациями институтов, а также под воздействием развития техники. Нередко она сама определяет изменения во всех сферах человеческой жизни. Исследование войны – это изучение человека в его прошлом и настоящем. Если принять точку зрения, что ключевым событием в становлении модерна стала Великая французская революция, то мы увидим, что Современность буквально взращивается в колыбели войны: сначала в гражданской войне в Вандее, а затем в последующих революционных и Наполеоновских

¹ Статья 1 Устава Организации Объединенных Наций.

войнах. Соответственно, если мы хотим понять, что происходит с человеком в XXI в., нам, помимо прочего, необходимо выяснить, как сегодня используется понятие о войне эпохи модерна.

Кроме того, война в силу своей смертоносной и разрушительной сущности неизбежно ставит множество моральных вопросов. Казалось бы, ужасы и страдания, приносимые войной, очевидны. Уже в «Илиаде» Гомер проклинал многослѣзную войну, разверзающую «погибельной брани огромную пасть»². Тем не менее немало интеллектуальных усилий было направлено на то, чтобы оправдать необходимость, а иногда даже желательность ведения войны. Так сформировалась мощная традиция морального обоснования и ограничения войны.

Двум этим проблемам и посвящена данная книга. Она написана на стыке социальной философии, этики, политической теории и социологии войны, чтобы дать по возможности наиболее обобщѐнное представление о том, какой стала война на рубеже XX–XXI вв., а также в каких случаях война получает моральное обоснование и какие способы её ведения считаются допустимыми с точки зрения этики. На двух этих проблемах важно сфокусироваться. Отчасти это связано с тем, что в России до сих пор не так много философской литературы о войне. В большом количестве появляются работы отечественных и зарубежных авторов, где война рас-

² Гомер. Илиада. СПб.: Наука, 2008. С. 133.

смаатривается с позиций истории, международных отношений, права или даже психологии. Однако в дискуссии об обновлении войны после окончания холодной войны мы пока ещё находимся на периферии, даже несмотря на то, что были переведены важные книги политических учёных Мартина ван Кревельда³ и Мэри Калдор⁴. Тема этического анализа войны остаётся ещё менее освоенной в отечественной философской литературе. Эта область философии на английском, немецком, французском языках прирастает на десятки, если не сотни, монографий ежегодно, множество журналов специализируется на проблемах этики войны как таковой или на частных её аспектах. В России общее количество опубликованных монографий по современным вопросам этики войны и мира даже с учётом переводной литературы не превышает и десятка⁵.

³ *Кревелд М., ван.* Трансформация войны. М.: Альпина Паблишер, 2005, а также *Кревелд М., ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.

⁴ *Калдор М.* Новые и старые войны. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

⁵ Важно выделить: *Сисе Х.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Весь мир, 2007; *Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна.* М.: Гардарики, 2002. За обзором истории развития учения о справедливой войне и актуальными дискуссиями в рамках этой теории можно обращаться к моей предыдущей книге: *Куманьков А.Д.* Современные классики теории справедливой войны: М. Уолшер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. МакМахан. СПб.: Алетейя, 2019. Отдельно стоит отметить сотрудников сектора этики Института философии РАН, А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна, А.В. Прокофьева, которые в своих книгах и статьях уделяют внимание этике войны.

Но важность обращения к темам трансформации войны и её морального осмысления объясняется, конечно, не только этими обстоятельствами. Война, а одновременно с ней и политическая сфера, трансформируются таким образом, что этическая составляющая современных войн значительно усиливается – два выделенных нами сегмента изучения войны пересекаются. Сами по себе войны вызывают те же вопросы, что и прежде, но требуют от политиков и военных более детальных разъяснений, кто, почему и как должен в них участвовать. Далеко не всегда срабатывают доказательства необходимости войны в духе Realpolitik XIX в.: великие державы сталкиваются между собой, стремясь защитить или реализовать свои национальные интересы. В постгероических обществах Запада войну необходимо обосновывать чем-то, кроме национального интереса, за который мало кто готов умирать. А борьбу с такими вызовами, как терроризм, религиозный фундаментализм или массовые нарушения прав человека в какой-либо стране невозможно объяснить иначе, кроме как на языке морали. Это же относится и к обогащению средств ведения войны, прежде всего за счёт частных военных компаний, кибероружия и роботизированных систем. Новации, связанные с ними, одновременно настораживают, поскольку вызывают размытие традиционных способов определения статуса участников боевых действий и интерпретации ключевых понятий военного лексикона (атака, угроза), и воодушевляют – не станет ли война более гу-

манной или, возможно даже, не близки ли мы к тому, чтобы передать обязанность сражаться машинам, избавив себя от смерти и страданий. Современная война должна получить не только правовую, но и моральную легитимацию. Её практически невозможно обосновать, если не указать, что она служит международному миру и безопасности. Парадоксальная ситуация, которая требует прояснения.

Философ Александр Павлов выделяет три существующих способа концептуализации философских подходов к современной войне: реактуализация теории Клаузевица, дискурс теории справедливой войны и, наконец, дискурс новых войн⁶. Последний, по мнению Павлова, позволяет наиболее адекватно оценить социальную реальность войны в XXI столетии. Однако и он нуждается в дополнении, которое возможно при обращении социальной теории к проблематике новых, постсовременных войн⁷. Солидаризируясь с этой оценкой, я также хотел бы указать на необходимость выработки критической теории войны, одновременно историчной и нормативной, прослеживающей трансформации войны и их причины и задающей границы морально допустимого в войне. Возможно, настоящая книга могла бы послужить развитию такой теории.

В книге не раскрываются все аспекты этического осмысления войны, но представляется критический обзор основ-

⁶ Павлов А.В. Послесовременность войны // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 249–251.

⁷ Там же. С. 260.

ных проблем, связанных с приложением этики к современным войнам. Скорее, книгу следует рассматривать как доступное введение в проблемное поле моральной теории войн XXI столетия. В главе 1 речь пойдёт об образе войны, который был сформирован и отрефлексирован в Новое время, и о дальнейших трансформациях этого типа войны. Этот период начинается с укрепления национальных государств, которые постепенно подчиняют себе сферу организованного насилия и монополизируют право на применение военной силы. Война ведётся государствами ради их собственных интересов при помощи регулярных армий против других государств, возможно, не уступающих им в силе, но равных в правовом и моральном отношении. Именно такую войну описал прусский генерал и военный теоретик Карл фон Клаузевиц в знаменитом труде «О войне»⁸. Войну той эпохи можно назвать классической, традиционной, регулярной, старой войной. Со временем этот тип войны переживёт несколько существенных преобразований, и на рубеже XX–XXI столетий развернётся активная дискуссия о том, что классическая регулярная война, если и не исчезла совсем, то перестала быть доминирующим типом вооружённого конфликта, уступив место так называемым новым войнам. Этому вопросу посвящена глава 2 настоящей книги.

В главе 3 рассматриваются непосредственно этические проблемы, связанные с современными войнами. Здесь для

⁸ Клаузевиц К., фон. О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.

нас ключевым станет вопрос, как структурные изменения основных общественных институтов сказываются на трансформации войн и как в связи с этим конвертируется курс нравственной оценки войны. Мы рассмотрим основные парадигмальные споры в теории справедливой войны и постараемся обобщить причины, по которым, согласно этой теории, вступление в войну считается морально обоснованным. И наконец, в главе 4 разбираются споры относительно некоторых наиболее важных аспектов современной войны: терроризма как одной из наиболее значимых угроз миру и безопасности; частных военных компаний, роль которых в конфликтах XXI столетия, по-видимому, будет усиливаться; компьютеризации и роботизации войны. Обращение к этим практикам и техникам ведения войн позволит дополнить описание этических вызовов, которые ставят войны XXI столетия. Для России дискуссия о моральном статусе современных видов оружия, в котором используются новые технологии, особенно важна, поскольку у нас не сформирована традиция публичного обсуждения войны с её вызовами и проблемами, в том числе и моральными, а кроме того, не отрефлексированы этические нормы поведения военнослужащих. Попытка отреагировать на современные проблемы войны, появляющиеся в связи с возникновением новых угроз и задействованием высоких технологий, могла бы быть полезной для поддержания дискуссии такого рода.

Я выражаю особую благодарность Александру Владими-

ровичу Павлову за мотивацию и всестороннее содействие моей работе. Это касается не только данной книги, но и многого другого. Большая честь и удача работать вместе с ним. Я глубоко признателен Борису Николаевичу Кашникову за многолетнее содействие и наставничество. Также я хотел бы сказать спасибо всем коллегам и студентам Школы философии НИУ ВШЭ и магистратуры по политической философии МВШСЭН, с которыми мы обсуждали вопросы, затронутые в этой книге – их замечания часто помогали найти неожиданные ракурсы рассмотрения, казалось бы, хорошо понятных теорий и событий. Отдельно я хотел бы поблагодарить свою семью, где неизменно нахожу понимание и участие и моральную поддержку моим трудам.

Глава 1

Трансформации войны в Новое время⁹

Французская революция даёт начало большим национальным войнам нашего времени, приводящим в действие народные армии и достигающим своего наивысшего размаха в грандиозных коллективных побоищах¹⁰.

Мишель Фуко

Классическая война эпохи модерна

Известный тезис прусского генерала и военного теоретика Карла фон Клаузевица – «война есть продолжение по-

⁹ Некоторые части этой главы были опубликованы ранее: *Куманьков А.Д.* Мировая задача России: члены Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва о Великой войне // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2014. № 10. С. 81–86; *Куманьков А.Д.* Мнимая трансформация войны // Философия. Язык. Культура / отв. ред. В.В. Горбатов, А.В. Марей. Вып. 6. СПб.: Алетейя, 2015. С. 329–340.

¹⁰ *Фуко М.* Политическая технология индивидов // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 362.

литики, только иными средствами»¹¹ – указывает на отношения зависимости, которые устанавливаются между политикой и войной. Война находится в подчинении у политики, она полностью контролируется и управляется государством. Эта зависимость войны от политики кажется Клаузевицу совершенно естественной. Однако подобные отношения сложились между политической и военной сферой довольно поздно, в Новое время, т. е. в исторический период, начавшийся в XVII в. Сперва должна была родиться политика в современном смысле этого слова как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства»¹² и, соответственно, должно было появиться государство. Именно возникновение национального государства и масштабная трансформация социального и политического порядка, которая произошла в Европе в XVI–XVII в., оказали самое решительное влияние на практику ведения войны и на понимание её функционального предназначения.

Эпоха Средних веков характеризовалась серьёзной децентрализацией власти, одновременным действием множества субъектов, которые считали, что они обладают правом на использование насилия. Папа, император, короли, князья и крупные феодалы, республики и города оспаривали друг у

¹¹ *Клаузевиц К, фон.* О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 38.

¹² *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 646.

друга право самостоятельно решать вопросы, связанные с ведением войны и заключением мирных договоров. Периодически та или иная сила занимала главенствующее положение, но «в результате... сначала императорская власть проиграла папству, и затем и папство потерпело поражение от зародившейся во Франции идеи территориального суверенитета»¹³. Политическая раздробленность постепенно преодолевается при формировании национальных государств, правители которых (как правило монархи) централизуют систему власти и управления. Немецкий политический теоретик Карл Шмитт отмечает характерную для этого процесса «де-теологизацию» и рационализацию политического пространства: «образование международно-правовых понятий этой эпохи вращается вокруг одной единственной оси: суверенного территориального государства. Новая величина – “государство” – вытесняет сакральную империю и императорскую власть Средневековья; она ликвидирует также и международно-правовую *potestas spiritualis* папы и пытается превратить христианскую церковь в инструмент своих полицейских акций и своей политики»¹⁴.

Так появляется понятие «государство», характерное для эпохи модерна. Для его определения мы можем вновь обра-

¹³ Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. С. 147.

¹⁴ Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 143.

титься к Максy Веберу. В «Политике как призвание и профессия» он предложил знаменитую формулировку: «...современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»¹⁵. Мы не ставим себе целью обсуждение, насколько полон вариант определения или разъяснения, предложенный Вебером. Нам в данном случае достаточно, что эта формула явно передаёт суть того феномена, который мы рассматриваем: в какой-то момент на политической арене возник обезличенный субъект, подчинивший себе все прочие центры силы. Ключевые его характеристики: суверенитет, организация признанной власти на определённой территории и установление монополии на применение насилия¹⁶.

Определение Вебера удобно именно потому, что немецкий социолог также обращает внимание на последнюю из приведённых характеристик – на факт монополизации госу-

¹⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 651.

¹⁶ См. подробнее: Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИ-СЭН, 2006. С. 81–234.

дарством права на все виды легитимного насилия, в том числе и военного. Эта монополия – привилегия особого рода, за которую будет бороться государство в ходе своего становления, и то, что помогает ему состояться как государству. До тех пор, пока не появится субъект, получивший в данном регионе монополию на насилие, нельзя говорить о существовании государства. Вместе с этим, если появятся силы, способные оспорить или лишить государство этой монополии, то можно говорить о начале гражданской войны и разрушении государства.

В Новое время право объявлять войну, вести её и заключать мир закрепляется за верховной государственной властью. Эту трансформацию и особое значение войны для политической сферы точно зафиксировал Жан Боден. В «Шести книгах о государстве» он пишет о суверенитете как о высшей власти, которая, во-первых, не подчинена власти императора, а, во-вторых, сконцентрирована в одних руках. Управление государством, издание законов, регулирование системы судов, но также и решение вопросов войны и мира представляют собой важнейшие функции, возложенные на государя¹⁷.

Представление о государстве как о субъекте, ответственном за управление сферой насилия, получает развитие у авторов XVII века. Гуго Гроций ещё будет доказывать, что

¹⁷ ния государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень, 2012.

частная война (та, что ведётся лицом, не имеющим гражданской власти) не запрещается естественным правом или Писанием¹⁸. Но в последующих поколениях политических мыслителей и юристов подобные архаичные, средневековые взгляды будут пересмотрены в пользу исключительного права государства. Томас Гоббс обращается к этому вопросу в 18-й главе «Левиафана». Он называет верховенство в военной сфере одним из важнейших прав суверена: «...в компетенцию верховной власти входит право объявления войны и заключения мира с другими народами и государствами, т. е. право судить о том, что требуется в данный момент в интересах общего блага и какие силы должны быть для данной цели собраны, вооружены и оплачены, а также какая сумма должна быть собрана с подданных для покрытия расходов»¹⁹. Через полтора столетия схожие мысли будут выражены в гегелевской «Философии права»: «...свою направленность во-вне государство обретает потому, что оно есть индивидуальный субъект. Его отношение к другим государствам составляет прерогативу власти государя, которой поэтому только единственно и непосредственно принадлежит право командовать вооруженными силами, поддерживать отношения с другими государствами посредством послов и т. д., объявлять войну и заключать мир, а также право заключать другие

¹⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 118–123.

¹⁹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 139.

договоры»²⁰.

Но Гоббс в праве решать вопросы войны и мира видит даже нечто большее, нежели одну из рутинных обязанностей суверена. Он продолжает рассуждение о войне, предлагая посмотреть на военное руководство как на деятельность, обеспечивающую или подтверждающую верховный статус того, кто осуществляет это руководство: «...гарантию защиты доставляют каждому народу его вооруженные силы, а сила армии состоит в объединении ее сил под единым командованием, которое поэтому принадлежит суверену, ибо одно право командования над вооруженными силами без всякого другого установления делает того, кто обладает этим правом, сувереном. Вот почему, кто бы ни был генералом армии, лицо, обладающее верховной властью, всегда является генералиссимусом (*generalissimo*)»²¹. Война, таким образом, понимается как определяющая сфера политической жизни. С одной стороны, она обеспечивает суверену его главенствующее положение, а с другой стороны, решение вопроса о войне и мире представляет собой ключевую обязанность суверена, коль скоро он ответствен за поддержание общего блага.

В этом проявляется специфика и двойственность отношений между государством и войной. Государство появляется благодаря войне. Как пишет израильский историк и политический теоретик, Мартин ван Кревельд, «если бы не необ-

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 363–364.

²¹ Гоббс Т. Левиафан... С. 139–140.

ходимость воевать, почти наверняка было бы гораздо труднее добиться централизации власти в руках великих монархов»²². Обязанность вести войны позволила королям сосредоточить управление в своих руках и обеспечить отмеченную выше победу территориального суверенитета над папой, императором или свободным городом. Государство было выковано благодаря войне.

Но также государство и закаляется в горниле войны. Страдания, которые приносит война, не кажутся авторам этой эпохи бесцельными и бессмысленными. Через войну народ получает признание своей политической субъектности, славу и счастье. Сохранение прочности государства зависит непосредственно от выполнения им военных функций, и оно поддерживает своё существование, ведя войну. Речь здесь не только о самообороне, т. е. буквальном спасении от уничтожения, когда военное насилие используется для отведения угрозы. Мощь и устойчивость государства во многом связаны с тем, что оно позиционирует себя как единственного гаранта безопасности и стабильности. Безопасность превращается в услугу, требующую щедрого вознаграждения в виде жизней его граждан, налогов, труда идеологов, людей искусства и журналистов. В результате военным нуждам в той или иной степени подчиняются все сферы жизни. В обществах Нового времени практически нет институтов так или иначе не работающих на войну, на оборону и безопасность. Мар-

²² Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. С. 413.

тин ван Кревельд приводит в пример финансовую сферу, отмечая, что банковский сектор, системы подоходных налогов, социального страхования и государственного контроля экономики не сложились бы в том виде, в котором это произошло, без стоящей перед государством необходимости по мобилизации населения для начала новых войн. Мы можем в качестве другого примера указать на сферу образования. Система всеобщего начального образования появилась в Пруссии при Фридрихе II, чтобы решить проблему управления войсками – различия в диалектах немецкого языка порой не позволяли солдатам понимать приказы своего унтер-офицера. Реформы продолжились после поражения Пруссии в войне с наполеоновской Францией (Война четвёртой коалиции 1806–1807 гг.). Появилась образовательная система, обучавшая учеников не в последнюю очередь патриотизму и дисциплине. В результате через несколько десятилетий в ходе Пруско-австрийской войны битва при Садовой закончится победой прусского учителя над австрийским.

Подобные изменения полюсов политической силы непосредственным образом сказываются на трансформации войны, которая происходит в Новое время. Подробное освещение этой темы потребовало бы написания отдельной крупной работы. Однако мы в предельно обобщённом виде зафиксируем ряд характерных особенностей войны Нового времени, поскольку именно в это время рождается тип регулярной, симметричной, межгосударственной войны, ориентиру-

ясь на который мы можем говорить о появлении новых войн на рубеже XX–XXI вв.

Государства, одной из важнейших функций которых с момента его «изобретения» Томасом Гоббсом «было ведение войн против себе подобных»²³, действительно в XVII–XVIII вв. очень активно ведут войны. Однако происходит существенное изменение характера этих войн. Государство признаёт равным себе только другое государство и, соответственно, ведёт войну только с другим государством. Отныне претензии какого-либо сообщества на самостоятельное распоряжение военным насилием будет идентифицироваться как мятеж и караться как государственное преступление. Во всяком случае до той поры, пока этот мятеж не окончится успехом, т. е. пока не произойдёт смена власти или за счёт отделения не появится новое государство.

Равенство статусов участников международных отношений предполагает взаимное признание ими равного права политической субъектности. В том числе это касается и права на ведение войны. Швейцарский юрист и философ Эмер де Ваттель очень ясно обозначил это в своём «Праве народов»: «...нации свободны, независимы, равны и каждая судит по своей совести о должном»²⁴. Каждый народ, объединённый в государство, обладает равным правом на ведение

²³ Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. С. 413.

²⁴ Ваттель Э., де. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. С. 32.

войны и волен реализовать его в меру собственных представлений о должном.

Также в высказывании Ваттеля выражено представление о суверенитете, развивавшееся Боденом, Гроцием, Гоббсом. В сочинениях последнего оно наиболее иллюстративно. Гоббс предлагает схему объяснения отношений между государствами, актуальную для ряда политических концепций и в наши дни. Он описывает феномен естественного состояния, в котором нет ничего, что гарантировало бы безопасность человека. Люди находятся в состоянии войны всех против всех, поскольку обладают равным правом на всё. От опасностей этой перманентной войны люди спасаются благодаря договору, учреждающему государство. Отчуждая право на насилие в пользу суверена, они взамен получают гарантии безопасной жизни. Но государства между собой так и остаются в состоянии враждебности, потенциально означающей возможность открытой войны. В результате международные отношения всегда представляют собой либо войну, либо действия, предвещающие войну или призванные отсрочить её. Как пишет об этом сам Гоббс: «...короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоя-

нием войны»²⁵.

Состояние анархии, в котором государства пребывают между собой, поддерживается за счёт взаимного признания суверенитета друг друга и временных выгод, которые могут дать межгосударственные соглашения. Но эти соглашения, по мнению Гоббса, непременно будут нарушены в связи с изменением национальных интересов того или иного государства. Подобная ситуация могла бы быть исправлена появлением правительства, которое встало бы над государствами, или надгосударственного суда. Но, как это символизирует знаменитый рисунок на фронтисписе первого издания «Левиафана», подобное невозможно или, во всяком случае, не является возможным в политических условиях Нового времени. Надпись на рисунке воспроизводит слова из Книги Иова «нет на земле подобного ему» (Иов. 41:25). Левиафаны равны в своих правах, а потому никто не может прекратить их взаимную враждебность.

Далее, крайне важно заметить, что в таком положении каждое государство может претендовать на обладание справедливой причиной к войне. Европа вступает в эпоху секулярного понимания войны, апелляция к необходимости наказания грешника, характерная для средневекового теологического подхода к легитимации войны, перестаёт быть актуальной. Война в Новое время становится делом исключительно политическим. Но стало ли это преимуществом в

²⁵ Гоббс Т. Левиафан... С. 88.

отношении вопроса о минимизации насилия? До этого на протяжении более чем тысячи лет ключевую роль в решении вопроса об оправданности войны и понимании дозволенного и недозволенного на войне играли теологические соображения. Несмотря на высокую степень децентрализации и раздробленности, эпоха Средних веков знала и специфический подход к нормативному определению войны. Появлялись правовые документы и договоры, регулировавшие практику ведения войны. Они были признаны положить предел взаимной враждебности христианских народов и снизить степень жестокости, характерной для любой войны. Развитие христианского учения о войне сформировало традицию морального обоснования войны и определение дозволенного и запрещённого на поле боя. Как пишет Филипп Контамин, «различные документы пропагандистского характера, так же как и дипломатические источники, говорят о постоянном внимании, если не к *идеологии*, то к *фразеологии* концепции справедливой войны»²⁶.

Христианское учение о справедливой войне было выстроено вокруг идеи наказания за совершение греха. Такой подход к моральному оправданию военного насилия был предложен Августином Аврелием. Мудрый правитель, понимающий волю Бога, по Его санкции воздаёт грешнику за совершённые прегрешения. Не что иное, кроме серьёзного греха, не может оправдать войну, сделать её справедливой.

²⁶ Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. С. 303.

Августин постоянно подчёркивает, что ведение справедливых войн – это обязанность, возложенная на христианского правителя как защитника христиан и хранителя веры. Обязанность неприятная, но необходимая: «...несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну»²⁷. Наказав грешника, справедливый государь должен исправить его.

Теологическая концепция войны видит своим окончанием не уничтожение противника, но его духовное исцеление. Иными словами, она должна заканчиваться моральной викторией обеих участвующих сторон. Но в то же время мы должны отметить присущее средневековому мышлению в духе учения о справедливой войне представление о различии в моральном статусе участников войны. Справедливый воитель стоит к Богу, источнику справедливости, значительно ближе, нежели грешник. Его моральное положение более совершенно, что и позволяет ему осудить и наказать грешника. Таким образом, доктрина справедливой войны – это учение об иерархизации политического порядка.

В Новое время учение о государственном суверенитете делает христианскую теорию наказательной войны устарев-

²⁷ *Августин Аврелий. О граде Божием. Кн. XIV–XXII // Августин Аврелий. Творения. Т. 4. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. XIX. 7. С. 333.*

шей. Во-первых, в силу вступает отмеченное равенство суверенитетов участников международных отношений. Как об этом писал Ваттель в приведённой выше цитате, для государств в качестве единственного источника, который задаёт критерии оценок должного и запретного, выступает только их собственное представление о справедливом и несправедливом. Никто не может вменить другому собственное представление о должном, никто не может выступить судьёй в отношении другого. Эту мысль будут раз за разом воспроизводить философы, юристы и государственные деятели на протяжении XVII–XIX вв. В «Трёх книгах» Гроций весьма поэтично высказывается по этому поводу: «...если между народами или государями возникают разногласия, то почти всегда судьей между ними оказывается Марс»²⁸. И далее делает более подробное разъяснение: «...правильно говорит Демосфен, что война ведётся против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке. Ибо ведь судебные формы действительны против тех, кто мнит себя слабее; против равносильных же или мнящих себя таковыми ведутся войны»²⁹. Самуэль фон Пуфендорф предостерегает от поспешного принятия решения о войне – сперва необходимо испробовать мирные способы решения конфликта, при помощи переговоров или обращения к сторонним арбитрам. В случае если объективный арбитраж невозможен, война ста-

²⁸ Гроций Г. Указ. соч. С. 44.

²⁹ Там же. С. 50.

новится вполне оправданной³⁰. Иммануил Кант в «Метафизике нравов в двух частях» подтверждает представление об изначальном моральном и легальном равенстве в отношениях между державами: «...каждое государство есть судья в своем собственном деле»³¹.

Гоббс, который схожим образом оценивает сферу межгосударственных отношений, выделяет три мотива, подталкивающие государства к ведению войны: «во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы»³². И приходит к заключению, что в войне государств «ничто не может быть несправедливым». Этот вывод был не столь единодушно поддержан теоретиками Нового времени, о чём ещё будет сказано ниже. Однако он показателен – становится невозможным рассуждение о войне с характерным для средневековой доктрины справедливой войны однозначным разделением сторон на грешников и карающих их целомудренных воинов.

Во-вторых, в связи с развитием идеи суверенитета и равенства государств постепенно складывается традиция рассматривать войну не в теологическом, а, скорее, юридическом, контексте. Народы не знают единого позитивно-

³⁰ *Pufendorf S. De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem. N.Y.: Oxford University Press, 1927. P. 102–103; 154.*

³¹ *Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 386.*

³² *Гоббс Т. Левиафан... С. 95.*

го законодательства, так как нет такой силы, которая могла бы утвердить свою волю в качестве закона, общего для всех народов. Однако это не означает, что взаимоотношения народов не подчинены никакому законодательству. В силу вступает естественное право, а также право народов (*ius gentium*). В случае серьёзного правонарушения (например, если нарушаются границы) одно государство не может призвать другое к ответу в суде, поскольку не существует суда народов. Ему остаётся только ответить на несправедливость военной силой, и этот ответ будет оправданным.

В эту эпоху появляется представление о самообороне как ключевой справедливой причине войны. Суверенитет и неприкосновенность государственных границ занимают положение высших ценностей. Любое покушение на них – военное нападение или провокационные агрессивные действия – дают основание применить войска. Со временем самооборона станет едва ли не единственной справедливой причиной войны, что найдёт отражение в документах ООН и иных международных документах. Но подобное положение не было типичным для Средневековья. Как мы уже сказали, в Средние века моральное обоснование получала война, в ходе которой прекращался грех и виновный в нём наказывался. Несправедливое, агрессивное нападение могло быть таким грехом, но представляло собой скорее один из рядовых случаев в числе других. Не меньшим грехом, а, возможно, ещё более тяжёлым, могло быть разграбление церкви и кра-

жа святых, оскорбление достоинства короля или феодала, или ересь. Собственно, рассуждения Августина о справедливой войне необходимо понимать именно в контексте борьбы с еретиками: манихеями, пелагианцами и донатистами. Это серьёзным образом отличается от ситуации Нового времени, когда защита государством самого себя, своих союзников или безопасности и порядка как таковых, в пределах континента или даже всего мира, превращается в определяющий элемент риторики войны.

В объяснении трансформаций, произошедших с войной в Новое время необходимо провести ещё одно сравнение со средневековым типом войны. Оно связано с проблемой морального ограничения войны. Помимо закреплённого в теории теологического деления войн на справедливые и несправедливые, Средневековье знало немало практических попыток отрегулировать способы ведения войны. Так, можно привести в пример доктрины Божьего мира (*Pax Dei*) или Божьего перемирия (*Treuga Dei*). Духовные движения за мир состояли в отказе христиан воевать друг с другом, во всяком случае в дни церковных праздников. Согласно этим доктринам, предполагалось также, что жертвами войны не могут стать крестьяне и духовенство, защищалась их собственность. Идеи Божьего мира и перемирия стали важной частью работы над решением двух задач, без которых не обходится обсуждение и современных боевых действий: определить, кто и в каком объёме имеет право применять вооружённое

насилие, и установить, на кого именно можно обратить это насилие. Так, Божий мир «в значительной мере содействовал оформлению понятия естественной неприкосновенности невоюющих и их имущества», в то время как «предписаниями Божьего перемирия было запрещено в любое время года только насилие, не связанное собственно с *войной*»³³. Тем самым можно было отделить войну, которую ведёт публичная власть по справедливым причинам, от разбойного набега алчных феодалов. Эти меры должны были служить минимизации насилия. Правда, наказание, предусмотренное за нарушение Божьего мира, среди прочего предполагало применение военной силы в отношении нарушителя.

Периодически также появлялись соглашения о запрещении тех или иных видов вооружения или военных практик. Возможно, наиболее известный из них связан с провозглашением на Втором Латеранском соборе 1139 г. незаконным применение различных метательных средств: пращей, арбалетов, дальнобойных луков. Явно перед нами попытка сделать войну более безопасной, но не для всех её участников, а исключительно для элитарной группы воителей – для рыцарства. Они не были защищены от арбалетчиков, способных пробить рыцарский доспех. Кроме того, в бою с простолюдином-арбалетчиком, который поражает издали, невозможно было обрести славу, столь желанную для благородно-

³³ Контамин Ф. Указ. соч. С. 291–292. См. также: Флори И. Идеология меча. М.: Евразия, 1999. С. 240–243.

го воина.

Само представление о существовании образа благородной войны, которую приличествует вести рыцарю – ещё одно свидетельство наличия ограничений, накладываемых на войну. Рыцарство, не слишком большая по численности группа, воспринимало идеал ограниченной войны, в результате которого важнее проявить мужество и тем прославить себя, а не уничтожить противника (во всяком случае, оно декларировало этот принцип). Именно поэтому нередко поверженного противника не убивали, но пленили и просили за него выкуп. Филипп Контамин связывает это как раз с установлением плотных взаимосвязей внутри элитарной группы рыцарей: «...на войне стали часто сталкиваться одни и те же люди, которые могли быть знакомы, могли вспомнить, узнать друг друга, сознавая схожесть своего положения и переменчивость неудач и успехов»³⁴.

Однако отношение к куртуазным нормам ведения войны было амбивалентным, как в среде самого рыцарства, так и за его пределами. Е.В. Калмыкова указывает на два измерения, определявшие восприятие рыцарского кодекса чести: «...во-первых, совершенно очевидное сосуществование в средневековой культуре двух этосов: религиозного и аристократического, пересечение, слияние и взаимодействие которых и дают такой своеобразный результат, как осуждение и восхваление войны одними и теми же авторами на соседних

³⁴ Контамин Ф. Указ. соч. С. 273.

страницах. Во-вторых, соотношение христианских максим и социальной практики усложнялось вовлеченностью духовенства в систему вассально-ленных отношений»³⁵. Христианское учение о справедливой войне давало двойственную оценку войне как таковой. Сама по себе она не признавалась грехом. Важно было рассмотреть все обстоятельства, которые привели к ней, определить статус участников конфликта и, наконец, оценить их действия на поле боя. В этом смысле и рыцарь в тот момент, когда он обращал своё оружие против врагов веры, в защиту христианства или Святого престола, приравнялся к мученику³⁶. Если же он был занят разбойными нападениями или движим жадной славой, не совместимой со смирением истинного *miles Christi*, то его следовало осудить как грешника, которого ждут муки ада. Эта двойственность характерна для Средневековья, и она не исчезнет и в Новое время с появлением государства, изменится лишь регистр определения границы между допустимым и недопустимым, законным и незаконным.

Итак, Средние века знали немало разнообразных по своему статусу и силе влияния источников нормативного регулирования войны: теологическая доктрина справедливой войны, документы канонического права (приведём в пример важнейший Декрет Грациана), папские постановления,

³⁵ *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. С. 190.

³⁶ *Флори И.* Указ. соч. С. 47–48.

документы церковных соборов, представления о рыцарской морали, частные соглашения между воюющими сторонами и т. д. Но всё же мы должны признать, что средневековые феодалы, короли, рыцари зачастую действовали, игнорируя все установления церковных отцов или рыцарский кодекс чести. Главной жертвой войны становились те, кого мы сейчас называем гражданскими лицами – жители сельских местностей, которых убивали, грабили, насиловали, угоняли в плен для использования в качестве рабов или обмена на выкуп. Вновь обратившись к исследованию Филиппа Контамина, можно указать на три фактора, которые мешали реализовать идеал гуманизированной войны: личная заинтересованность отдельных государей в «тотальной войне»; формирование армий за счёт неблагородных слоёв населения, нечувствительных к рыцарскому кодексу чести; обычаи некоторых народов или коммун, согласно которым как таковое пленение неприятеля или обмен пленными на выкуп были неприемлемыми³⁷. Иными словами, зачастую сама культура ведения войны провоцировала неограниченную жестокость.

Новое время предлагает свои варианты правового и этического регулирования войны, соответствующие обозначенным выше трансформациям политической сферы. В политической практике основными механизмами управления войной следует признать представление о доминирующем положении государственного (национального) интереса и реша-

³⁷ Контамин Ф. Указ. соч. С. 309–310.

ющей значимости принципа баланса сил.

Идея государственного интереса (*ragione di stato* по-итальянски, или *raison d'Etat* по-французски) начала активно обсуждаться на излёте Ренессанса³⁸, а в Новое время она становится нервом публичной политики. *Raison d'Etat* заменяет личный интерес государя или религиозную идентичность в качестве источника политического целеполагания. Это хорошо заметно по тому, как выстраиваются военные союзы уже в XVII в. В ходе Тридцатилетней войны католическая Франция выступит на стороне протестантских государств и княжеств против католического императора и короля Испании. В борьбе за политическую гегемонию вопросы веры перестают играть решающую роль, хотя и не делаются абсолютно незначимыми. Слова британского политика, министра иностранных дел (во время произнесения речи) Генри Джона Темпля виконта Палмерстона: «...у нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг – следовать им», – могут дать ещё один пример понимания государственного интереса³⁹.

Идея государственного интереса представляет собой чистое политическое понятие. Оно не связано с представле-

³⁸ *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 412–423.

³⁹ *Palmerston H.J. T. Speech to the House of Commons. 1 March 1848 // Hansard. Vol. 97. P. 122.*

ниями об устройстве гармоничного космоса или существовании божественного порядка. *Raison d'Etat* актуализируется исключительно в связи с существованием у государства определённых целей, базовой из которых является вопрос о сохранении самого государства. С государственным правительственным интересом совпадает и идея о том, что не существует высшего законодателя по отношению к государствам. То есть государство самодостаточно и автономно, а потому постоянно находится в состоянии соперничества с другими носителями *raison d'Etat*. Конкуренция активизирует новый компонент политической жизни, «новый элемент политического интереса – это сила... сила государств»⁴⁰. Государства будут отныне бороться не просто за продолжение собственного существования, но за «сохранение определённого соотношения сил, сохранение, поддержание или развитие динамики сил»⁴¹.

Отношения государств определяются взаимовлиянием разнообразных, расходящихся сил. По большому счёту эти силы всегда находятся в столкновении между собой, т. е. уравновешенное состояние достигается лишь теоретически, но фактически исчезновение борьбы означало бы отсутствие действия, отсутствие жизни вообще. Как пишет Хаймо Хофмайстер в книге «Воля к войне, или Бессилие поли-

⁴⁰ Фуко М. Безопасность, территория, население / Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 386.

⁴¹ Там же. С. 387.

тики»: «...любая человеческая деятельность — это использование силы в противоборстве с природой, с вещами или в столкновении с другими людьми... *Конфронтационные действия* — это не определенный способ политических действий, а момент любой деятельности, и их невозможно мысленно отделить от нее»⁴². В конфронтации, в противоборстве человек находит себя, выстраивает отношения с внешним миром; и точно такие же отношения характерны и для политических субъектов. Научная революция утверждает роль движения в качестве базового состояния природы, и эта мысль переносится и на описание политики. Олицетворенные государства подчиняются тем же законам, что и физические тела. Война являет собой предел наличествующей между государствами политической поляризации и напряженности.

Поиск должного соотношения сил между государствами, появившимися в XVI–XVII вв., приводит к установлению системы баланса сил или политического равновесия. Сама по себе идея баланса сил не была изобретением Нового времени. Уже в «Истории» Фукидида высказывается предположение, что опасения перед ростом мощи соперника могут заставить напасть на него: «...истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынуди-

⁴² Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. С. 59.

ло их воевать»⁴³. После описания переговоров с союзниками спартанцев эта мысль повторяется: «...нарушить мир и начать войну лакедемоняне решили вовсе не в угоду союзникам и не под влиянием их убеждений, а скорее из страха перед растущим могуществом афинян, которые уже тогда, как видели лакедемоняне, подчинили себе большую часть Эллады»⁴⁴. Тем самым Фукидид усиливает впечатление об опасности лакедемонян понести стратегическое поражение в случае, если они никак не отреагируют на экспансионистскую политику афинян, которые могут установить господство над греческими полисами, даже и не вступая в прямое военное столкновение со Спартой.

В Новое время принцип баланса сил приобрёл особое значение в связи с провалом проекта построения единого, всеевропейского политического порядка. Мишель Фуко описывает механику реализации этого принципа следующим образом: «...если государства находятся по отношению друг к другу в конкуренции, то необходимо найти систему, которая позволяет насколько возможно ограничивать мобильность всех остальных государств, их амбиции, их рост, их усиление, но оставляя тем не менее каждому государству возможность добиваться своего максимального усиления, не провоцируя его противников и не доводя это усиление ни до сво-

⁴³ Фукидид. История. М.: Ладомир; АСТ, 1999. С. 17.

⁴⁴ Там же. С. 52.

его собственного исчезновения, ни до своего ослабления»⁴⁵.

Важнейшие международные соглашения и мирные договоры несли на себе печать этого принципа. Вот что замечает об этом Генри Сент-Джон Болингброк, один из авторов Утрехтского мирного договора 1713 г., подписанием которого закончилась Война за испанское наследство (1701–1714 гг.): «...с того момента как образовались две великие державы – Франция и Австрия – и, как следствие этого, между ними возникло соперничество, интересы их соседей заключались в том, чтобы бороться с сильнейшей и наиболее активной и заключать союз и дружбу с более слабой. Отсюда – концепция равновесия сил в Европе, на котором покоятся безопасность и спокойствие всех. В свою очередь, нарушить это равновесие было целью каждого из соперников. Принцип, на котором основывались все мудрые решения европейских совещаний, касающихся Франции и Австрии, определялся стремлением предотвратить нарушение равновесия, не давая склониться чаше весов на одну сторону»⁴⁶. Военная история XVII – начала XVIII в., по мнению Болингброка, иллюстрирует нарушения равновесия сил, которое становилось иногда роковым для Европы. А задачу политика и помогающего ему историка он видит в наблюдении за чашами весов могущества, которые никогда не находятся в равнове-

⁴⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 387.

⁴⁶ Болингброк Г.С.-Дж. Письма об изучении и пользе истории. М: Наука, 1978. С. 81–82.

сии, но которые всё же не должны отклоняться чрезмерно⁴⁷.

Война в новой политической реальности, жёстко определяемой государственным интересом и идеей балансировки сил, начинает восприниматься как политический инструмент, значимый, но не единственный в арсенале средств межгосударственной борьбы. Итогом войны видят не истребление или преобразование грешника, а решение политического конфликта, связанного с ожиданием негативных последствий из-за нарушения баланса сил или вызванного агрессивными действиями соперника. В пространственном отношении государства представляют собой зоны порядка, безопасности и мира. Но поддерживается это состояние при помощи легитимного насилия, физического или символического, которое, согласно уточнению Бурдые, «является условием реального владения монополией на физическое насилие»⁴⁸. Насилие побеждается насилием. Внутри государства в качестве субъекта, который реализует это насилие, выступает полиция, на межгосударственной арене – армия. Государство как живой организм борется с болезнями внутри себя и с угрозами во внешней среде; оно всегда первично по отношению к средствам поддержания своей жизнедеятельности.

Суждение Карла фон Клаузевица о войне как продолже-

⁴⁷ Там же. С. 122.

⁴⁸ Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 50.

нии политики другими средствами выражает именно такое, подчинённое положение, которое занимает война в Новое время. Телеология войны раскрывается Клаузевицем следующим образом – война не может иметь свою причину в себе самой, эта причина должна быть внешней, т. е. политической. Не религиозной, идеологической или экономической, а именно политической. Настоящая цель войны не всегда однозначно различима во время ведения боевых действий. Но она всегда наличествует и происходит из сферы политической борьбы. Определение, данное прусским генералом войне – «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»⁴⁹, – надлежит понимать двояко. Боевые действия, или манёвры, вынуждают армию противника прекратить сопротивление – так достигается военная цель войны, но вследствие этого реализуется и правительственная воля, враг подчиняется и в политическом отношении. Итак, политическая цель войны, а не военная (лишить противника возможности сопротивляться) выдвинута на первый план. И цель эта состоит в навязывании противнику собственной воли. Достижение же этой цели лежит в области насилия. Такой инструментальный подход к войне действительно отражал положение дел Вестфальской эпохи международных отношений. И значимость Клаузевица в первую очередь связана с тем, что ему удалось выразить дух своего времени, сформулировать наиболее харак-

⁴⁹ Клаузевиц К, фон. Указ. соч. С. 20.

терные представления о войне самых разных своих современников (политиков, юристов, философов): война ведётся государствами при помощи армий ради достижения политических целей.

Государству, и только ему, принадлежит прерогатива распорядиться нормами *jus ad bellum* (лат., букв. – право или справедливость на войну) и *jus in bello* (лат. – право или справедливость во время войны), т. е. вся целокупность *jus belli* (лат. – право войны)⁵⁰, предполагающих возможность самостоятельно определять врага и бороться с ним, исходя из собственных понятий независимости и свободы. В этом исключительном праве государства на войну содержится огромная сила политического, которая ставит его над любой другой общностью. И Клаузевиц указывает на эту силу, на эту волю к решению – она в полномочии требовать от собственного народа готовности к смерти и решимости физически уничтожать всякого человека, который стоит на стороне

⁵⁰ *Jus ad bellum* и *jus in bello* – латинские выражения, обозначающие принципы, соблюдение которых свидетельствует о том, что применение военной силы является справедливым и обоснованным. Буквальный перевод: «право на войну» и «право во время войны», соответственно. Нормы *jus ad bellum* – такие, как принципы правого дела (или справедливой причины, *justa causa*), крайнего средства, пропорциональности, вероятности успеха, добрых намерений, легитимной власти – позволяют ответить на вопрос «Почему можно начать войну?». Принципы *jus in bello* – пропорциональности и различия – отвечают на вопрос «Как вести войну?». В последнее время говорится также о нормах *jus post bellum* – «право после войны» – принципах, которыми следует руководствоваться при завершении военного конфликта и установлении мирного положения.

врага.

Человек приходит к войне, движимый не всегда собственными интересами, а, скорее, в силу необходимости, определяемой государством. Философия войны, которую развивают Клаузевиц и другие авторы того времени, не говорит и не может говорить об отдельной личности, её главный действующий субъект – это сообщество индивидов, объединенных в государство. Война относится не к области наук или искусств, но к области общественной жизни, и является актом человеческого общения.

Клаузевиц понимал это очень точно, предлагая «тринитарную» модель войны, как называет её Мартин ван Кревельд⁵¹. К у частникам войны прусский генерал причисляет армию во главе с полководцем, но также народ и правительство. Каждый из участников представляет одну из сил, проявляющих себя в войне и управляющих ею. Народу свойствен «слепой природный инстинкт», армии и полководцу – «свободная духовная деятельность», а правительству – «чистый рассудок»⁵². В результате именно на правительство ложится обязанность контролировать страсти и духовные порывы, подчиняя их импульсы поставленной цели: «...страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра

⁵¹ Кревельд М., ван. Трансформация войны. М.: Альпина Паблишер, 2005. С. 66–77.

⁵² Клаузевиц К, фон. Указ. соч. С. 40.

храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели принадлежат исключительно правительству»⁵³.

Армия фактически выступает средством, инструментом в руках правительства, и единственной её задачей становится решение политических конфликтов. Постепенно этот идеал будет претворяться в жизнь. Армия будет освобождаться от полицейских, охранных, спасательных функций. Она будет набираться и готовиться для одной цели – вступить в бой с такой же армией противника; партизанские действия, набеги и грабежи перестанут считаться легитимными способами борьбы. Одновременно будет расти уровень профессионализма солдат. Военная служба перестанет быть делом незначительного круга благородных людей. Появится система рекрутских наборов и призывов. В ходе Французской революции произойдёт первая массовая мобилизация (*levée en masse*) – под ружьё попытаются поставить всех холостых мужчин возрастом от 18 до 25 лет. В законе о конскрипции (призыве) Журдана-Дельбрея от 5 сентября 1798 г. утверждалась идея вооружённой нации: «каждый француз – это солдат, и обязан защищать отечество». Подобное выделение особой роли солдата и военного долга сказалось на появлении профессионального солдата, занятого только службой и ничем иным. Вместе с тем такое обособление солдата – по-

⁵³ Там же.

жизненная или многолетняя служба, размещение солдат в казармах или лагерях – делало всё прочее население государства исключённым из военной сферы. Разделение на комбатантов и гражданских лиц будет обладать не только теоретическим, но и практическим значением; для групп разного статуса будут заданы различные права и меры дозволенного в войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.